

Явление

...На торжестве в Национальной библиотеке одновременно отмечали два внешне разных события: 400-летие со дня смерти уроженца Турова князя Константина Острожского и возвращение обществу духовного памятника, переписанного слутским князем Юрием Олельковичем в 1581 (а не в 1582-м, как считалось раньше) году. Это стало первым значительным мероприятием среди предусмотренных соглашением о сотрудничестве, недавно подписанным Белорусской православной церковью и Министерством культуры. На самом же деле обоих подвижников-просветителей объединяло как семейное, так и духовное родство: распространение Слова Божия рукописным и печатным путем.

Перед нами — подлинник!

Возвращение из 60-летнего небытия и виртуальное воссоздание Слуцкого Евангелия были бы невозможны без упорного тшания митрополита Минского и Слуцкого Филарета. 12 июня 2003 года на Епархиальных чтениях он впервые сообщил радостную весть о том, что исчезнувший в 1941 году памятник национальной культуры нашелся! Его передал Владыке один из священнослужителей, коему, в свою очередь, подарил реликвию некий прихожанин. Евангелие, естественно, стало собственностью экзархата. Но митрополит позаботился, чтобы рукопись оставалась доступной и научной обществу: книгу временно передали в Национальную библиотеку Беларуси, там благодаря финансовой помощи Фонда фундаментальных исследований ее оцифровали, а еще сопоставили с описаниями памятника, сделанными в Слуцке до Первой мировой войны Ф.Серно-Соловьевичем, А.Снитко и другими учеными. Экспертиза дала возможность прийти к единому мнению (до того оставались сомнения): вернулась не копия, а оригинал!

Затем в Институте языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук приступили к более тщательному исследованию Евангелия, его орфографических, фонетических, лексических, оформительских особенностей. Выводы тоже оказались однозначны: церковнославянский текст переписывало лицо, хорошо знавшее белорусский разговорный язык, а высокохудожественное оформление памятника сделало его уникальным, бесценным.

От имени митрополита Филарета приветствие участникам торжества передал епископ Боб-

Возвращена первая из многочисленных ценностей, хранившихся до войны в Могилевском музее

руйский и Быховский Серафим. Выступившие на презентации заместитель директора библиотеки Татьяна Кузьмич, заместитель уполномоченного по делам религий и национальностей Владимир Ламеко, директор Института языкознания Александр Лукашанец, профессор БГУ Иван Чарота говорили о большом национальном, славянском и мировом значении воскресшей ценности. Известный книговед, член комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры Татьяна Рощина высказала надежду, что вслед за Евангелием наконец найдутся и другие многочисленные ценности, среди них и Крест Преподобной Евфросинии Полоцкой, до войны находившийся в Могилеве. Участники торжества перешли в выставочный зал, где с благословения митрополита Филарета Слуцкое Евангелие выставили для обозрения.

— Смотрите: оно же светится, сияет! — воскликнула одна моя знакомая, давно заинтересованная в возвращении памятника, указывая на страницу Евангелия, где в орнаменте неповторимо сочетаются золотой и зеленый цвета. И, зная, что я тоже лет около 40 хлопочу о возвращении могилевских сокровищ, добавила: — Поздравления сегодня причитаются и вам, всей комиссии «Вяртанне».

И мне вспомнилось, как все начиналось.

Знаковая реликвия

Слуцкое Евангелие — действительно первая и притом весьма значительная культурная ценность, которая объявилась, была возвращена народу, из тех тысяч, как сегодня говорят, артефактов, которые до лета 1941 года хранились в просторной комнате-сейфе здания Могилевского обкома партии. Это здание строилось до революции для поземельно-крестьянского банка, потом здесь разместился Могилевский государственный музей, куда (в предполагаемую столицу республики) в конце 1920 — начале 1930-х годов свозились ценности со всей Беларуси (!). Но вре-

мена и цели менялись. Музей переселили в иное место, покинув в комнате-сейфе обкома партии наиболее ценные экспонаты.

Крест Преподобной Евфросинии Полоцкой и Слуцкое Евангелие — наиболее ценные национальные реликвии, находившиеся в комнате-сейфе. С их поисков начиналась работа общественной комиссии «Вяртанне» при Белорусском фонде культуры, которой я имею честь руководить на общественных началах уже двадцать лет. За это время собран и частично, в семи одноименных сборниках, опубликован обширный материал по музеям, библиотекам и архивам. По моему мнению, настала пора хотя бы в весьма сжатом виде рассказать о работе комиссии, чтобы тем самым содействовать реституции некоторых других ценностей, а заодно и развеять немало мифов и наслоений, накопившихся в различных публикациях.

Откровения могилевского краеведа

Комиссия появилась не на голом месте. Поиски начались лет сорок назад. По рекомендации АН БССР, где я тогда работал, в начале февраля 1970 года ЦК КПБ направил меня с лекциями в Могилев. На одном из вечеров ко мне подошел пожилой интеллигентного вида человек, отрекомендовался любителем древностей и неожиданно тут же пригласил к себе домой:

— Хачу вам нештачка раска-заць і паказаць.

В скромном деревянном домике инженера Иеронима Филиповича оказалось множество лежащих без хода папок с материалами для исторической хроники города. Особенно меня заинтересовали сведения о могилевских религиозных деятелях и одновременно писателях Г.Конисском и С.Богуше-Сестренцевиче. Кое-что я тут же предложил сосватать для книговедческих сборников академической библиотеки.

И вдруг хозяин задал неожиданный вопрос. В его интонации явно чувствовался некий под-вох. Или подтекст.

— Ці ведаеце вы, дзе зараз знаходзіцца Крыж святой Ефрасінні Полацкай? А Слуцкае Евангелле? А залаты ключ ад Магілёва?

— Ключы — не мая сфера інтарэсаў. Евангеллем нядаўна цікавіўся ў Слуцку, але там нават у музеі пра яго ўпершыню чулі. Пра Крыж нядаўна чытаў у газеце «Голас Радзімы». Нібыта ў першыя дні акупацыі горада каля былога музея ішоў нямецкі афіцэр. І раптам пабачыў праз акно, што ў падвале блішчыць нешта залатое. Зацікавіўся, зайшоў, спусціўся ўніз. Але далейшыя дзеянні былі ўмацаваны жалезнымі кратамі. Тады загадаў, каб палонныя (самі немцы, маўляў, баяліся міны) разрэзалі іх аўтагенам. Аказалася, ззяла нешта іншае, як Крыж Ефрасінні

Здание в Могилеве, где хранились ценности.

Слуцкого Евангелия

Полацкай. Узяў ён яго, іншыя каштоўнасці і вывез з сабой у Германію. А пасля вайны прадаў на рынку нейкаму амерыканскаму багачу.

— На рынку? І таму дакументаў ніякіх не засталася... Ну-ну. Ціка-ава. Зноў жа падвал... Аўтаген... Лухта ўсё гэта! Друкуюць, каб збіць нейкага з тропу. Я сам да вайны працаваў у тым музеі, які спачатку месціўся ў будынку былога зямельнага банка. Заўтра пакажу яго вам — вельмі прыгожы... Крыж і Евангелле, на свае вочы бачыў іх некалькі разоў, засталіся там у пакой-сейфе. Мусіць, улады збіраліся прадаць гэты «опіум» за граніцу як антыкварыят. Але пакой-сейф месціўся не ў падвале, а на першым, падвышаным паверсе. Ідучы па вуліцы, нічога там не пабачыш... І з аўтагенам — няпраўда: краты заставаліся цэлымі нават пасля вайны. Толькі нядаўна іх знялі, паставілі ў кут. А нямецкі афіцэр? Тут нехта свядома блытае карты.

— Згодны з вамі. Магілёў доўга абараняўся, можна было паспець усё вывезці.

— І вывозілі! Чуў, што вывозілі. Калі б музейныя каштоўнасці трапілі да акупантаў, то чаму тады не пакаралі за бяздзейнасць ранейшага, даваеннага і пасляваеннага, дырэктара Мигуліна? Той адкрыта вярнуўся ў горад на другі дзень пасля вызвалення, адразу пачаў будаваць сабе дом. Аднойчы, праўда, пасадзілі, але нешта ўдакладнілі — і выпусцілі. Адзінае, што, мне здаецца, варта ўвагі ў тым артыкуле, дык гэта амерыканскі бізнесмен. Цяперашні дырэктар нашага музея Скваццоў на сваё запытанне ў Эрмітаж, дзе ж шукаць даваенныя экспанаты, атрымаў адказ: нашы супрацоўнікі знайшлі след, які вядзе да Морганаў. Зрэшты, самі можаце паглядзець пісьмо з Ленінграда. І да Мигуліна схадзіце. Ён многае ведае, але не гаворыць. У пакой-сейфе знаходзіліся ж не толькі Крыж ці Слуцкае Евангелле, але і залатыя прадметы з раскопак у Пампях, каштоўная зброя, ікона Бялыніцкай Божай Маці, кубак Пятра Першага, з

дваццаць іншых царкоўных кніг у дарагіх акладах і шмат чаго іншага. Усё гэта магло трапіць у Амерыку не толькі праз захад, але і праз усход — як аплата паставак па ленд-лізу або вынік прыватных махінацый... Пацікаўцеся ўсім, вам у сталіцы гэта лягчэй зрабіць, чым нам у Магілёве. Усе мае захадцы выклікаюць тут толькі кпіны.

Назавтра состоялась интересная встреча с директором музея Иваном Скваццовым. Он показал мне довольно сухие, незаинтересованные ответы, скорее отписки, из Эрмитажа: мол, ищите за океаном. О полученных сведениях директор сообщил в Минск, в Министерство культуры, но реакции не последовало. А разговор с Иваном Мигулиным не получился:

— Ничего я вам не скажу. Меня уже спрашивали те, кому положено. Да и кто вы такой?!

Но рассказанное Иеронимом Филиповичем уже задело за живое: исчезли такие ценности и никому до этого нет дела! Перед отъездом осмотрел здание банка-музея-обкома. С тротуара действительно невозможно через окно увидеть то, что будто бы валялось, бесхозное, на полу первого этажа.

Вернувшись из командировки, обо всем рассказал в отделе культуры ЦК. Но там посоветовали: не лезьте не в свои дела. А вскоре (проверил по записям: 23 февраля) на собрании партийной организации академии с докладом выступал секретарь ЦК КПБ Станислав Пилотович. Вздуроченный услышанным в Могилеве, я послал ему записку такого содержания: не пора ли поставить перед международными организациями вопрос о возвращении нам из Америки легендарного Креста и других могилевских ценностей?! Их возвращение сработало бы на Беларусь, ее престиж... Отвечая на вопросы, Станислав Антонович в конце несколько помедлил и, подумав, сказал:

— Вот тут товарищ Мальдис предлагает искать у капиталистов следы одного нашего Креста...

задумался, кому поручить дело. Предложил все изложить на бумаге.

А 10 апреля меня и известного археолога Георгия Штыхова позвал к себе заместитель Председателя Президиума Верховного Совета БССР Иван Климов. В его кабинете уже сидели Иван Скваццов и Иван Мигулин. Последний выглядел взвинченным: его трость непрерывно шаркала по полу. Иван Фролович начал с вопроса ко мне: откуда известно, что ценности оказались у Моргана? Я сослался на письмо из Эрмитажа, полученное могилевским музеем. Скваццов тут же протянул бумагу. Тогда внимание сконцентрировалось на Мигулине: ведь выходило, что это он оставил Крест

врагу. Директор музея начал отчаянно оправдываться: как он, вместо того чтобы оберегать ценности, погнался за тремя немецкими шпионами и оказался в глубоком тылу. Да и что тот Крест — не такое продавалось за границу в 30-е годы... И что то Евангелие — их было, разных, куда более богатых, шгук с двадцать. Даже золотые украшения из Помпей не сумели спасти...

Слуцкое Евангелие.

Впрочем, попрошу автора записки после окончания подойти ко мне.

Когда все начали расходиться, я подробнее изложил тогдашнему главному идеологу республики суть проблемы. Внимательно выслушав, Станислав Антонович одобрил мою заинтересованность,

перед приходом немцев одни партийцы, москвичи какие-то.

Иван Фролович мрачнел, наконец прервал Мигулина, кому-то по-дружески позвонив, пересказал историю. Тот, очевидно, товарищ по довоенным временам, сказал нечто такое, что сразу успокоило хозяина кабинета.

— Знаешь, дед, — обратился он к Мигулину, — ни одному твоему слову не верю. Я вот поговорил с одним товарищем, с которым вместе отвечал в 1941-м за эвакуацию Могилева. Так вот твоя вина в том, что ты не пришел ко мне и не объяснил, что Крест стоит дороже, чем какой-нибудь станок... А Моргана... — с явным скепсисом добавил Климов. — Может, потом все попало и к Моргану. Попробуем на всякий случай подготовить бумаги нашему послу в США.

Тогда я не понимал, откуда вдруг взялся такой скепсис, потеря интереса. Немецко-американский след подробно и с пафосом, слепо веря в, очевидно, специально запущенный и устраивающий многих миф, я описал в газетной статье. Думаю, благодаря этой публикации потом и оказался во главе комиссии «Вяртанне».

Понимание пришло 20 с лишним лет спустя, во время очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН, 11 октября 1990 года. В тот день, когда были безрезультатно испытаны все другие способы, белорусские дипломаты, прихватив с собой и меня, как говорится, с открытым забралом поехали к директору нью-йоркского Фонда Пирпонта Моргана и довольно уверенно выставили имеющиеся аргументы в пользу того, что могилевские ценности находятся там, в музее, в одном из 12 подвальных отсеков...

Парадоксальность же того дня заключалась в том, что, вернувшись в Белорусское представительство при ООН, мы увидели там свежий номер газеты «Советская Белоруссия» от 28 сентября и в нем статью В.Юшкевича, тогда председателя Могилевского отделения Фонда белорусской культуры, под названием «Тайна креста». И вдруг осознали: восточный след куда реальнее западного.

Но это уже иная история, тема следующей статьи.

Адам МАЛЬДИС,
«СБ».